Л. С. Таль.

ТАРИФНЫЙ (КОЛЛЕКТИВНЫЙ) ДОГОВОРЪ,

КАКЪ ИНСТИТУТЪ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

(Докладъ, читанный 23 апрѣля 1909 года въ засѣданіи гражд. отд. С.-Петербургскаго юридическаго общества).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1909.

ЦАВ "Автограф"
март 2021

Оттискъ изъ еженедѣльной газеты „ПРАВО“.

Тарифный или коллективный договоръ въ настоящее время на Западѣ принадлежитъ къ модными вопросамъ и пользуется необыкновеннымъ вниманіемъ не только ученыхъ спеціалистовъ, но также широкихъ круговъ общества. У насъ онъ почти не затронутъ въ литературѣ и мало извѣстенъ. Для всесторонняго изученія тарифнаго договора было бы необходимо освѣтить его съ трехъ различныхъ сторонъ: какъ соціальное явленіе, какъ предметъ догматики права и какъ законодательную проблему. Такая задача, разумѣется, невыполнима въ рамкахъ одного доклада. Наша бесѣда будетъ касаться исключительно правовой структуры этого явленія, будетъ имѣть цѣлью отвѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ на важнѣйшіе, выдвигаемые имъ, юридическіе вопросы [1]). О соціальномъ зна-

---

[1]) Юридическая природа тарифнаго договора впервые подверглась всестороннему анализу въ началѣ этого столѣтія въ работахъ Лотмара и Рундштейна. Въ 1904 г. онъ былъ предметомъ обсужденія на съѣздѣ голландскихъ юристовъ (см. Zanten

ченіи тарифнаго договора мнѣнія рѣзко расходятся, колеблясь между крайнимъ скептицизмомъ и возведеніемъ его въ панацею противъ классовой розни. Эта сторона для насъ пока еще имѣетъ преимущественно теоретическій интересъ, такъ какъ роль тарифныхъ договоровъ въ промышленной жизни Россіи ничтожна, а для быстраго ихъ развитія въ близкомъ будущемъ у насъ недостаетъ двухъ основныхъ условій: сильныхъ профессіональныхъ союзовъ и навыка къ разрѣшенію коллективныхъ конфликтовъ посредствомъ арбитража и посредничества. Еще менѣе актуальный интересъ для насъ представляетъ законодательная нормировка тарифнаго договора, едва успѣвшаго пустить корни въ нашемъ быту. Однако, несмотря на неблагопріятныя условія, такія соглашенія не чужды нашему быту; они встрѣчаются уже и въ нашей практикѣ, и есть полное основаніе думать, что они не только не исчезнутъ, но будутъ, хотя и медленно, прививаться и распространяться въ промышленной средѣ. Опытъ Западной Европы доказываетъ, что повсюду съ усиленіемъ профессіональной организаціи рабочихъ возрождается существовавшее въ прежнія хозяйственныя эпохи стремленіе заинтересованныхъ обще-

---

въ Soz. Praxis XV, Sp. 4), въ 1905 г.—на вюрцбургскомъ съѣздѣ членовъ промышленныхъ судовъ (Gewerbeger. за 1905 г. Beil. zu № 1) и въ 1908 г. на кильскомъ съѣздѣ германскихъ юристовъ. Литература вопроса, особенно нѣмецкая, очень обширна. Наиболѣе полныя библіографич. свѣдѣнія собраны въ Beitr. zur Arbeiterstat. №№ 3 и 8, въ Verh. des 29 deut. Juristentages Bd. IV, p. 84 и у Leon Douarche, Les conventions collectives, Paris 1907.

ственныхъ группъ къ автономной нормировкѣ условій труда, и что для этой цѣли они въ послѣднее время все чаще и чаще прибѣгаютъ къ формѣ коллективныхъ соглашеній. И въ этой области рано или поздно болѣе культурные способы правовыхъ сношеній повсюду берутъ верхъ надъ самопомощью, хотя и узаконенною, надъ разрѣшеніемъ коллизій интересовъ грубою силою. Эти соглашенія носятъ различныя названія. Нѣмцы называютъ ихъ тарифными договорами; англичане, французы, голландцы и др.—коллективными. (Мы бы предпочли второй терминъ, какъ болѣе точный; но у насъ въ литературѣ и въ жизни первый болѣе извѣстенъ, и мы потому остановились на немъ). Спорятъ о томъ, насколько тарифный договоръ способенъ вытѣснить боевыя средства,—стачку, локаутъ и пр., или хотя бы ограничить ихъ примѣненіе; но что вытѣсненіе ихъ желательно, поскольку оно возможно безъ ущерба для интересовъ народнаго хозяйства и трудящихся, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Все усиливающійся ростъ тарифнаго движенія за послѣдніе 10 лѣтъ въ большинствѣ промышленныхъ странъ позволяетъ думать, что онъ этимъ интересамъ не противорѣчитъ; и потому мы имѣемъ полное основаніе сознательно итти навстрѣчу появленію и распространенію тарифнаго договора въ нашемъ отечествѣ и задаться вопросомъ, насколько наше дѣйствующее право благопріятствуетъ или по меньшей мѣрѣ не препятствуетъ упроченію и развитію тарифнаго договора въ русской жизни.

Во время недавно пережитаго нами порыва къ общественному самоопредѣленію и вызваннаго

имъ роста профессіональныхъ организацій въ разныхъ областяхъ промышленности бывали единичные случаи заключенія тарифныхъ договоровъ[1]) особенно на нашихъ западныхъ окраинахъ и въ столицахъ. Отношеніе нашихъ рабочихъ организацій къ нимъ, насколько можно о немъ судить, въ общемъ доброжелательное, а промышленники, какъ показываетъ опытъ Западной Европы, при благопріятной конъюнктурѣ рынка охотно идутъ на заключеніе тарифныхъ договоровъ, потому что въ такое время перерывы производства, вызываемые конфликтами, для нихъ особенно чувствительны и, кромѣ того, они себя этимъ путемъ въ нѣкоторой степени ограждаютъ отъ конкурренціи со стороны неразборчивыхъ предпріятій, выѣзжающихъ на дешевизнѣ рабочихъ рукъ, хотя бы цѣною качества продукта, отъ т. н. «Schmutzkonkurrenz». Прибавимъ еще, что тарифные договоры у насъ уже служили и еще будутъ служить предметомъ судебныхъ процессовъ, свѣдѣнія о которыхъ, къ сожалѣнію, въ общую печать не проникли. Все это, кажется, достаточно убѣдительно говоритъ за то, что ихъ правовая структура и связанные съ нею во-

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, хотя далеко не полныя, можно найти въ только что вышедшей книгѣ г. Дмитріева: „Профессіональное движеніе и союзы въ Россіи“ Спб. 1909. Авторъ, къ сожалѣнію, имѣетъ неправильное представленіе о тар. дог., причисляя сюда „всякій коллективный договоръ, при которомъ со стороны рабочихъ выступаетъ... коалиція“ (стр. 306). Часть приведенныхъ имъ примѣровъ представляютъ собою не тар. догов. въ техническомъ смыслѣ, а рабочіе договоры, заключенные коллективомъ.

просы уже теперь имѣютъ для насъ не одинъ только академическій интересъ.

Предъ нами такимъ образомъ трудная и своеобразная задача опредѣлить отношеніе русскаго гражданскаго права къ соціальному новообразованію, не затронутому ни законодательствомъ ни судебною практикою, ни русскою юридическою литературою. Въ нашемъ распоряженіи для этой цѣли имѣются только фактическіе матеріалы, т. е. болѣе или менѣе случайныя свѣдѣнія о состоявшихся въ Россіи коллективныхъ соглашеніяхъ, общія начала, заложенныя въ нашемъ правѣ, и западная литература и практика.

Тарифнымъ или коллективнымъ договоромъ называется соглашеніе между группою и союзомъ рабочихъ и отдѣльными работодателями или ихъ союзомъ, устанавливающее содержаніе будущихъ рабочихъ договоровъ на случай заключенія таковыхъ этими работодателями и членами группы или союза. Хотя единичные случаи коллективныхъ соглашеній встрѣчаются уже въ средніе вѣка [1]), но массовое ихъ проявленіе составляетъ продуктъ новѣйшей фазы хозяйственной жизни и находится въ тѣснѣйшей связи съ двумя характерными ея особенностями: съ интенсивнымъ развитіемъ профессіональныхъ организацій и съ стремленіемъ организованныхъ

---

[1]) Объ исторіи тарифнаго договора см. Schmelzer, Tarifgemeinschaften p. 1, Tarifv. im deut. Reich (оф. изд.). p. 18 сл., Köppe, Arbeitstarifvertrag etc., p. 169 сл., Raynaud, Contrat collectif, p. 31 слѣд. Houbert-Valleroux, Contrat de travail., p. 204 сл., Douarche, ук. соч., p. 57, Stahl-Das deutsche Handwerk, p. 339 сл., Веббъ, Теорія и практика англ. тредъюніонизма, стр. 148 и 693 сл., Verh. des 29 deut. Jur. Bd. IV, p. 140 сл.

группъ рабочихъ (а въ послѣднее время и работодателей) вліять на содержаніе заключаемыхъ отдѣльными членами профессіи рабочихъ договоровъ и разрѣшать возникающія на этой почвѣ столкновенія, насколько ими затрагиваются общіе профессіональные интересы, путемъ коллективной самопомощи. Массовыя стачки оканчиваются либо побѣдою одной изъ сторонъ, либо соглашеніемъ. Соглашеніе является результатомъ или посредничества примирительныхъ учрежденій и лицъ, облеченныхъ довѣріемъ обѣихъ сторонъ, или же непосредственныхъ переговоровъ между заинтересованными группами. Первоначально этимъ мирнымъ трактатамъ никто не придавалъ значенія юридической сдѣлки; они исполнялись подъ угрозою стачки и локаута и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Но положеніе вещей, начиная съ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, сперва въ Англіи и Америкѣ, а позднѣе и на европ. континентѣ, постепенно мѣняется. По мѣрѣ того, какъ стороны стали дорожить мирнымъ теченіемъ промышленной жизни, у нихъ укрѣпляется взглядъ, что подобное соглашеніе создаетъ обязательное для сторонъ правоотношеніе, что его неисполненіе составляетъ нарушеніе юридической обязанности и законный поводъ для гражданскаго иска. Когда эти споры стали доходить до суда, ему необходимо было опредѣлить юридическую природу этого новаго продукта промышленной жизни, сложившагося на почвѣ солидарности профессіональныхъ интересовъ, и плохо гармонирующаго съ индивидуалистическими началами гражданскаго права. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, какъ судебная практика справляется съ этою зада-

чею, съ какими препятствіями ей приходится встрѣчаться въ отдѣльныхъ законодательствахъ. На помощь ей пришли ученые юристы и, увлеченные огромной важностью и новизною проблемы, усердно принялись за ея разработку. Дружными усиліями германскихъ, австрійскихъ, французскихъ, итальянскихъ и голландскихъ юристовъ всѣ детали юридической конструкціи и правовыя послѣдствія коллективнаго соглашенія постепенно выяснялись, и подъ него подведенъ широкій юридическій фундаментъ. Но какъ мало юристы сами убѣждены въ его прочности и надежности, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ раздающійся повсюду призывъ къ законодателю замѣнить шаткія теоретическія основанія, на которыхъ въ настоящее время построенъ тарифный договоръ, точною законодательною нормировкою. Въ результатѣ вопросъ вступилъ въ новую фазу: изъ соціальной и научной проблемы онъ превратился въ проблему легислативную, надъ практическимъ разрѣшеніемъ которой въ настоящее время работаютъ законодательныя и общественныя учрежденія и научныя силы. Кое-гдѣ уже сдѣланы первыя осторожныя попытки въ этомъ направленіи. Изъ европейскихъ странъ о тарифномъ договорѣ упоминаютъ законы женевскаго кантона, Австріи и Голландіи; во Франціи, Испаніи, Италіи, Швейцаріи и Германіи вырабатываются соотвѣтственные законопроекты [1]).

---

[1]) Текстъ б. ч. этихъ законовъ и проектовъ напечатанъ въ офиц. герм. изд. о Tarifvertr. и у Sinzheimer, Arbeitsnormenvertrag. Франц. проектъ напечатанъ у Misset, Contrat collectif; итальянскій въ Atti del Consiglio Superiore di Lavoro, 1907 г.

Въ сторонѣ отъ этого движенія изъ крупныхъ государствъ стоятъ только Англія и Соед. Штаты Америки, т. е. какъ разъ тѣ страны, въ коихъ тарифный договоръ пустилъ наиболѣе глубокіе корни, и гдѣ, казалось бы, почва для его законодательной нормировки наиболѣе благопріятна. Это объясняется тѣмъ, что англо-американскіе тредъюніоны, обладающіе значительнымъ соціальнымъ вѣсомъ и огромными матеріальными средствами, мало дорожатъ судебною защитою. Опасаясь, что вмѣстѣ съ признаніемъ ихъ правоспособности къ предъявленію исковъ на нихъ будетъ возложена имущественная отвѣтственность на случай массовыхъ нарушеній тарифнаго договора, они предпочитаютъ оставаться въ сферѣ чисто-соціальныхъ отношеній. Неудивительно поэтому, что англійскіе юристы и судебная практика гораздо меньше занимаются коллективными соглашеніями, чѣмъ континентальные.

Обращаясь къ выясненію юридической природы тарифнаго договора, мы прежде всего должны отвѣтить на вопросъ, возможно ли съ точки зрѣнія господствующей цивилистической доктрины и положительнаго права признать его гражданско-правовымъ договоромъ и вообще видѣть въ немъ юридическій институтъ?

Голоса, отрицающіе юридическую силу коллективнаго соглашенія и осуждающіе его на безправное существованіе, сравнительно рѣдки. Это соглашеніе, говорятъ нѣкоторые голландскіе юристы [1]), не можетъ разсматриваться, какъ гражданско-правовая сдѣлка, потому что ни

---

[1]) Zanten, Der Tarifvertrag auf d. niederländ. Juristentag въ Soz. Pr. XIV Sp., 412 сл.

одна изъ сторонъ тутъ не обязывается къ опредѣленному дѣйствію. Имъ только generaliter намѣчаются условія на случай заключенія въ будущемъ рабочаго договора, но не создается necessitas praestationis; такого рода генеральная нормировка, если она не исходитъ

тельна, подлежитъ доказыванію. Планіоль [2]) также высказывается противъ юридической силы тарифныхъ договоровъ. Они, говоритъ онъ, не направлены вовсе на установленіе obligation civile d'une nature contractuelle и потому лишены какой-либо санкціи, кромѣ угрозы стачкою и локаутомъ. Это, слѣдовательно, не contrat du droit commun, который можетъ имѣть своимъ источникомъ только индивидуальную волю сторонъ, а своего рода мирный трактатъ, дѣйствующій до тѣхъ поръ, пока стороны ему добровольно подчиняются. Признаніе тарифнаго договора обязательнымъ для сторонъ, по мнѣнію почтеннаго французскаго ученаго, противорѣчило бы также интересамъ промышленности, ибо лишило бы работодателя и рабочихъ возможности приспособляться при заключеніи рабочихъ договоровъ къ состоянію рынка. Ссылка Планіоля на предполагаемую волю сторонъ и на

---

[1]) Напр., Richard, L'organisation collective du travail, p. 143 сл.

[2]) Traité élem. de droit civil, t. II, § 1838 (3-е изд.).

интересы народнаго хозяйства совершенно бездоказательна и опровергается какъ быстрымъ ростомъ тарифнаго движенія во Франціи, такъ и стремленіемъ заинтересованныхъ группъ къ законодательной санкціи коллективнаго договора. Въ остальной части мнѣніе Планіоля и раньше упомянутыхъ нами юристовъ о необходимости для гражданско-правового договора обѣщанія опредѣленнаго дѣйствія основано на смѣшеніи договора въ обширномъ смыслѣ съ обязательственнымъ договоромъ. Только послѣднимъ всегда устанавливается обязанность къ исполненію того или другого дѣйствія. Понятіе же о договорѣ въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ по опредѣленію Савиньи [1]), всякое «соединеніе нѣсколькихъ лицъ для согласнаго волеизъявленія, опредѣляющаго ихъ правоотношенія», а, по опредѣленію Дернбурга [2]),—«всякое соглашеніе воли договаривающихся сторонъ, которое имѣетъ цѣлью возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе правоотношеній». Подъ эти опредѣленія вполнѣ подходитъ также тарифный договоръ, если только стороны имѣли серьезное намѣреніе обязываться къ соблюденію установленныхъ ими условій при заключеніи въ будущемъ рабочихъ договоровъ.

Другіе ученые, не отрицая юридической силы этого соглашенія, видятъ въ немъ однако не договоръ, а коалицію или альянсъ работодателей съ рабочими съ цѣлью автономнаго урегулированія ихъ взаимныхъ отношеній [3]). Искусственность этого по-

---

[1]) System des heut. röm. Rechts. Bd. III, p. 309.

[2]) Das bürg. Recht, Bd. I. p. 334.

[3]) Schmelzer, ук. соч., p. 120, Liefmann, Die Allianzen etc., p. 10, Rundstein, Tarifv. und moderne Rechtswissenschaft, p. 18.

строенія очевидна. Никакого постояннаго соединенія публичнаго или частно-правового характера стороны создавать не намѣрены и, вступая въ коллективное соглашеніе, онѣ отнюдь не уничтожаютъ противоположности интересовъ рабочихъ и работодателей, не совершаютъ хотя бы временнаго сліянія этихъ двухъ группъ.

Любопытный взглядъ высказываетъ Еллинекъ[1]), занимающій среднюю позицію въ этомъ вопросѣ. Онъ приводитъ тарифный договоръ, какъ примѣръ зарожденія въ современномъ государствѣ новыхъ формъ участія общественныхъ силъ въ законодательствѣ. Эти соглашенія, говоритъ онъ, формально имѣютъ своимъ источникомъ волю сторонъ, но ими на самомъ дѣлѣ создаются новыя правовыя нормы, дѣйствующія—если не юридически, то фактически — для извѣстнаго круга отношеній подобно закону, хотя они и не созданы нормальнымъ законодательнымъ путемъ.

Не встрѣчая препятствій къ признанію юридической силы тарифнаго договора въ общихъ принципахъ гражданскаго права, мы не видимъ ихъ также въ постановленіяхъ нашихъ дѣйствующихъ законовъ [2]). Коллективное соглаше-

---

[1]) Jellinek, Verfassungsänderung und Verfassungswandlung, Brl. 1908, стр. 49 и 79. Ср. его System der subj. Rechte, b. 204.

[2]) Г. Дмитріевъ (стр. 330) видитъ такое препятствіе въ Выс. утв. полож. ком. мин. отъ 20 февраля 1905 г., согл. которому „опредѣленіе отношеній между промышленниками и рабочими д. б. производимо не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ“. Но это положеніе (напеч. въ №46 Прав. Вѣст. за 1905 г.) состоялось въ отвѣтъ на вопросъ мин. фин. о полномочіяхъ администраціи въ указанной области и при-

ніе, если это только соотвѣтствуетъ намѣреніямъ сторонъ [1]), какъ «всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленное», согласно ст. 569 1 ч. X т. «налагаетъ на договаривающихся обязанность его исполнить», др. сл. имѣетъ обязательную силу. У насъ не существуетъ замкнутаго круга договорныхъ типовъ, и потому всякое соглашеніе, въ основаніи котораго лежитъ охраняемый гражданскимъ правомъ интересъ, при отсутствіи законныхъ препятствій порождаетъ юридическое отношеніе. Интересы, связанные съ тарифнымъ договоромъ, имѣютъ преимущественно экономическій характеръ и несомнѣнно относятся къ сферѣ гражданскаго оборота.

Въ западной литературѣ существуетъ рядъ попытокъ опредѣлить природу тарифнаго договора посредствомъ подведенія его подъ одинъ изъ существующихъ договорныхъ типовъ, но всѣ они или страдаютъ явною искусственностью, или не удовлетворяютъ практической цѣли, преслѣдуемой сторонами при его заключеніи. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, не вдаваясь въ подробности.

На первыхъ порахъ тарифный договоръ часто смѣшивали съ рабочимъ договоромъ, за-

---

томъ до изданія закона 4 марта 1906 г. Оно не имѣетъ никакого отношенія къ тарифнымъ договорамъ.

[1]) По общему правилу такое намѣреніе при сдѣлкахъ, лежащихъ въ рамкахъ гражданскаго оборота, предполагается, если нѣтъ доказательствъ противнаго. Baum въ Gruchot's Beitr. Zur. Erl Bd. 49, p. 261, отрицаетъ возможность такого предположенія, когда тар. дог. заключенъ неопредѣленною группою (unbegrenzter Kollektivvertrag).

ключеннымъ группою лицъ, напримѣръ, артелью, упуская изъ виду, что онъ въ отличіе отъ рабочаго договора не обязываетъ ни къ исполненію работъ, ни къ уплатѣ вознагражденія. Другіе видѣли въ немъ соглашеніе о будущемъ рабочемъ договорѣ, pactum de contrahendo. Однако, по мѣткому выраженію Лотмара, имъ опредѣляется nicht das ob, sondern das wie, стороны не обѣщаютъ вступать въ рабочіе договоры, онѣ только устанавливаютъ ихъ эвентуальное содержаніе. Невѣрно также сближеніе тарифнаго договора съ мировою сдѣлкою несмотря на ихъ сходство въ бытовомъ отношеніи, ибо онъ не предполагаетъ ни наличности спора, ни взаимныхъ уступокъ. Французскіе юристы [1]) склонны примѣнить къ нему положенія о мандатѣ, о довѣренности. Члены союза, говорятъ они, потому управомочиваются и обязываются тарифнымъ договоромъ, что союзъ при его заключеніи дѣйствуетъ въ качествѣ ихъ представителя, по мнѣнію однихъ—договорнаго, по мнѣнію другихъ—законнаго. Но эта конструкція вовсе не отвѣчаетъ на вопросъ о юридической природѣ тарифнаго договора, ибо на основаніи мандата можно совершить какія угодно сдѣлки; она только пытается объяснить, почему соглашеніе, заключенное союзомъ, обязательно для его членовъ. Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Другая теорія [2]), также выдвинутая французскими юристами, но имѣющая видныхъ сторонниковъ за предѣлами Франціи, усматриваетъ въ

---

[1]) См. Rundstein, Die Tarifvertr. im französ. Privat-recht, p. 60 и указ. тамъ литературу.

[2]) Rundstein, тамъ же, p. 66.

нашемъ институтѣ договоръ въ пользу третьихъ лицъ. По поводу ея также необходимо замѣтить, что договоръ въ пользу третьяго лица вовсе не представляетъ собою опредѣленнаго договорнаго типа, а только форму соглашенія, порождающаго обязанности одного или обоихъ контрагентовъ по отношенію къ третьему лицу. Самыя разнородныя соглашенія могутъ быть облекаемы въ форму договора въ пользу 3-хъ лицъ.

Правильнѣе поэтому вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей видѣть въ коллективномъ соглашеніи contractus sui generis, фактическій составъ котораго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился въ практической жизни, характеризуется тремя существенными признаками: а) одна сторона или обѣ представляютъ собою коллективъ [1]), б) имъ опредѣляются условія будущихъ рабочихъ договоровъ и в) эти условія устанавливаются эвентуально, т. е. на случай заключенія индивидуальныхъ договоровъ [2]). Все,

---

[1]) Теоретически мыслимо соглашеніе объ эвентуальномъ содержаніи будущаго рабочаго договора между отдѣльными физич. лицами, но въ жизни оно не встрѣчается. Предварительная нормировка будущихъ правоотношеній путемъ договора лишена практическаго значенія, если она не охватываетъ болѣе или менѣе обширнаго круга лицъ и при отсутствіи тѣхъ гарантій противъ ея нарушенія, которыя представляетъ солидарность интересовъ между членами контрагирующаго коллектива и власть этого коллектива надъ отдѣльными его членами.

[2]) Мы имѣемъ въ виду рабочіе договоры, но вполнѣ возможно также примѣненіе коллективныхъ соглашеній въ другихъ областяхъ правовой жизни. См. Fuld, Korporative Mietvertrage въ Zeitschr. f. Socialwiss. V (1902), стр. 634 сл. и интересныя свѣдѣнія о коллективныхъ соглашеніяхъ въ средѣ биржевого

что входитъ въ содержаніе рабочаго договора, можетъ предусматриваться тарифнымъ соглашеніемъ, какъ напр., вопросы о заработной платѣ, о рабочемъ времени, о срокахъ и основаніяхъ для прекращенія договора и т. д. Но этими эвентуальными постановленіями обыкновенно его содержаніе не исчерпывается. Оно можетъ касаться и другихъ предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ будущимъ договорамъ, какъ напр., права рабочихъ состоять членами союзовъ, обязанности работодателей отдавать при наймѣ организованнымъ рабочимъ преимущество передъ неорганизованными и т. п. Весьма часто включаются въ тарифный договоръ постановленія, касающіяся его самого, его продолжительности, порядка толкованія, разрѣшенія могущихъ возникнуть споровъ и т. д. Но они не составляютъ его необходимой составной части [1]).

Спрашивается, однако, если единственное существенное содержаніе тарифнаго договора—условія будущихъ рабочихъ договоровъ—имѣетъ эвентуальный характеръ, т. е. получаетъ практическое значеніе только въ случаѣ заключенія та-

---

купечества, сообщенныя г. Загорскимъ въ его (появившемся отд. брошюрою) докладѣ вольно-экон. общ. о торговыхъ обычаяхъ и биржевыхъ правилахъ.

[1]) Нѣкоторые признаютъ обозначеніе срока необходимымъ элементомъ тарифнаго договора, такъ какъ при безсрочномъ договорѣ каждая сторона можетъ въ любой моментъ безнаказанно отступиться отъ дальнѣйшаго соблюденія тарифа. На практикѣ договоры безсрочные, но съ обязательнымъ предупрежденіемъ объ отказѣ встрѣчаются болѣе часто, чѣмъ срочные.

ЦАБ "Автограф"
март 2021

ковыхъ, то что же составляетъ предметъ этого своеобразнаго соглашенія, къ чему стороны непосредственно другъ передъ другомъ обязываются? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо имѣть въ виду, что предметомъ юридической сдѣлки можетъ быть какъ положительное дѣйствіе, такъ и воздержаніе отъ дѣйствія, его несовершеніе. Далѣе необходимо различать два случая (дальше мы объ этомъ будемъ подробнѣе говорить): когда тарифный договоръ заключается группою физическихъ лицъ и когда онъ заключается правоспособнымъ союзомъ. Въ первомъ случаѣ стороны тарифнаго договора совпадаютъ съ предполагаемыми сторонами будущихъ индивидуальныхъ договоровъ, и сообразно съ этимъ практически наиболѣе существенная обязанность, устанавливаемая тарифнымъ соглашеніемъ, состоитъ въ томъ, чтобы они не уклонялись отъ условій, имъ предуказанныхъ, т. е. не заключали индивидуальныхъ рабочихъ договоровъ на условіяхъ менѣе выгодныхъ. (Что касается условій болѣе выгодныхъ, то ихъ недопустимость большею частью не можетъ быть выведена изъ намѣренія сторонъ). Они далѣе обязаны воздержаться отъ всякихъ другихъ дѣйствій, прямо или косвенно ведущихъ къ нарушенію тарифа, и согласовать свое поведеніе съ его требованіями. Поэтому существующіе договоры и правила внутренняго распорядка должны быть ими соотвѣтственно измѣнены, а новые—съ ними согласованы. По той же причинѣ недопустимо ихъ участіе въ стачкѣ и локаутахъ для поддержки требованій, противорѣчащихъ тарифамъ. Во второмъ случаѣ, т. е. когда договоръ заключенъ отъ своего имени коллекти-

вомъ, обладающимъ правоспособностью, онъ, конечно, также обязанъ воздержаться отъ всякихъ дѣйствій, идущихъ въ разрѣзъ съ цѣлями соглашенія. Но такъ какъ коллективъ, какъ таковой, не предполагаетъ вступать въ рабочіе договоры, то практически главная его обязанность состоитъ не въ этомъ, а въ посильномъ воздѣйствіи на своихъ членовъ, въ употребленіи всѣхъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, чтобы побудить ихъ къ соблюденію и исполненію тарифнаго договора, напр., путемъ лишенія поддержки, исключенія изъ союза и т. д. Разумѣется, чѣмъ сильнѣе союзъ, чѣмъ больше имъ дорожатъ его члены, тѣмъ это будетъ для него легче. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ центръ тяжести лежитъ на обязанностяхъ отрицательнаго характера [1]), на воздержаніи отъ заключенія договоровъ, несогласныхъ съ тарифомъ, во второмъ случаѣ — на положительной обязанности союза воздѣйствовать на своихъ членовъ; остальныя обязанности тутъ фактически отступаютъ на второй планъ.

---

[1]) Таково господствующее ученіе. См. Sinzheimer, ук. соч. S. II, p. 110 сл. и указ. тамъ литературу. Schall, Das Privatrecht des Arbeitstarifvertrages въ Iher. Jahrb. за 1907 г. Bd. II, p. 88 сл., утверждаетъ, что и обязанность къ воздержанію имѣетъ положительный характеръ, ибо имѣетъ своимъ предметомъ соблюденіе тарифныхъ условій. Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ взгляда на природу обязанности къ воздержанію, относительно которой въ юридич. литерат. происходятъ оживленные споры. См. Windscheid Pand. § 252 № 1-a, Wendt въ Arch. f. zivil. Praxis. Bd. 91 и 92, H. Lehmann, Die Unterlassungspflicht im bürgerlichen Recht, Eltzbacher, Die Unterlassungsklage и др.

Имѣютъ ли по нашему дѣйствующему праву юридическую силу договоры, устанавливающіе обязанность къ воздержанію, или — что то же самое — запрещающіе то или другое дѣйствіе? Этого вопроса не слѣдуетъ смѣшивать,—какъ это сплошь да рядомъ дѣлается въ нашихъ судахъ, несмотря на преподанныя указанія сената,—съ вопросомъ объ осуществимости подобныхъ обязательствъ на почвѣ нашихъ процессуальныхъ законовъ, ибо существованіе права не зависитъ отъ того, располагаетъ ли судъ достаточными средствами для принужденія должника къ дѣйствіямъ, составляющимъ предметъ обязательства. Наши матеріальные законы не дѣлаютъ никакой разницы между положительнымъ дѣйствіемъ и воздержаніемъ, какъ предметами обязательствъ. Наоборотъ, изъ совокупнаго смысла ст.ст. 570, 572 и 693, ч. 1 т. X св. зак. вытекаетъ, что неисполненіе всякаго договора и всякаго обязательства даетъ право на искъ, и что предметъ иска составляетъ «удовлетвореніе во всемъ, что въ оныхъ постановлено», а при наличности убытковъ—ихъ возмѣщеніе. Ничто не мѣшаетъ намъ подводить подъ эти положенія закона сдѣлки, устанавливающія обязанность къ воздержанію.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, кто можетъ быть стороною тарифнаго договора. Особенность его, какъ мы уже знаемъ, состоитъ въ томъ, что однимъ контрагентомъ всегда является коллективъ, т. е. множественность лицъ; какія же правовыя формы долженъ принять этотъ коллективъ, какими свойствами онъ долженъ обладать для того, чтобы его можно было съ точки зрѣнія теоріи и положительнаго права признать

стороною тарифнаго договора, субъектомъ вытекающихъ изъ него правъ и обязанностей? Это вопросъ очень трудный, такъ какъ требованія жизни тутъ встрѣчаютъ почти непреодолимыя препятствія въ установившихся цивилистическихъ понятіяхъ. Въ области промышленнаго труда особенно часто и обильно возникаютъ ассоціаціи временнаго или постояннаго характера, не укладывающіяся ни въ одну изъ типичныхъ формъ, извѣстныхъ современному гражданскому праву. Скрѣпляющій ихъ цементъ — солидарность профессіональныхъ интересовъ и потребность въ ихъ дружной защитѣ — оказывается настолько сильнымъ, что дѣлаетъ съ точки зрѣнія заинтересованныхъ лицъ излишнимъ или по крайней мѣрѣ не безусловно необходимымъ облеченіе союза въ ту или другую правовую форму. Такія ассоціаціи тѣмъ не менѣе и во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ и во внѣшнихъ выступленіяхъ смотрятъ на себя не какъ на сумму отдѣльныхъ лицъ, а какъ на единую соціальную величину. Они рѣшаютъ свои дѣла по большинству голосовъ, устраиваютъ собранія, на которыхъ принимаютъ тѣ или другія обязательныя для членовъ постановленія, выбираютъ уполномоченныхъ, нерѣдко имѣютъ выборные органы, кассы, библіотеки и т. д. Представимъ себѣ теперь, что такая юридически аморфная, безформенная группа заключаетъ тарифный договоръ—явленіе чрезвычайно частое въ западной Европѣ и уже не разъ имѣвшее мѣсто у насъ; имѣетъ ли онъ обязательную силу и для кого именно? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо различать ассоціаціи, возникающія ad hoc для заключенія даннаго тарифнаго договора, отъ по-

стоянныхъ ассоціацій. Теорія гражданскаго права не знаетъ другихъ субъектовъ правъ, кромѣ физическихъ и юридическихъ лицъ, и не знаетъ другихъ формъ произвольнаго соединенія нѣсколькихъ лицъ въ одно юридическое цѣлое, кромѣ товарищества и корпораціи или союза. Товарищества могутъ составляться для заключенія одного договора, для выполненія одной какой нибудь конкретно-опредѣленной задачи; но для возникновенія корпораціи или союза требуется наличность постоянной цѣли, общей задачи, не исчерпывающейся какимъ нибудь однимъ дѣйствіемъ. Поэтому случайныя коалиціи, не основанныя на договорѣ товарищества, съ точки зрѣнія гражданскаго права представляютъ собою ничто иное, какъ механическое соединеніе отдѣльныхъ лицъ, и заключенные ими договоры порождаютъ права и обязанности только для этихъ лицъ и лишь настолько, насколько изъ содержанія договора вытекаетъ соотвѣтствующее намѣреніе каждаго изъ нихъ. Коллектива, какъ цѣлаго, юридически тутъ не существуетъ, и контрагенты, хотя и дѣйствовавшіе совмѣстно или черезъ общаго представителя, другъ за друга не отвѣчаютъ, если такая отвѣтственность ими не была спеціально установлена. Примѣры такихъ тарифныхъ договоровъ, заключенныхъ группою рабочихъ, не имѣющихъ постоянной организаціи, напр. рабочими даннаго завода со своимъ хозяиномъ, или выборными отъ рабочихъ всѣхъ однородныхъ заводовъ даннаго города, встрѣчаются, какъ мы уже видѣли, и въ нашей практикѣ. Права и обязанности тутъ, повторяю,

пріобрѣтаютъ только физическія лица, отъ имени которыхъ договоръ заключенъ.

Возьмемъ теперь второй случай, когда тарифный договоръ заключенъ не съ образовавшеюся ad hoc ассоціаціею, а съ организованнымъ союзомъ. Тогда разрѣшеніе вопроса о его способности быть стороною договора зависитъ отъ постановки его въ положительномъ правѣ, такъ какъ отдѣльныя законодательства существенно расходятся между собою. Тутъ именно сказывается трудность умѣстить разнообразныя по характеру и цѣлямъ ассоціаціи, которыми такъ богата промышленная жизнь современныхъ государствъ, въ трафаретахъ гражданскаго права: товарищество и юридическое лицо. Къ тому же яркая демаркаціонная линія, проведенная между этими двумя правовыми типами римскимъ правомъ и романистическою юриспруденціею, въ современной жизни почти стерлась. Товарищество—по крайней мѣрѣ торговое—прониклось корпоративнымъ духомъ, его существованіе по новѣйшимъ законодательствамъ можетъ не зависѣть отъ личнаго состава, его имущество можетъ не сливаться безраздѣльно съ имуществомъ товарищей, а нерѣдко составляетъ самостоятельное цѣлое и т. д. Вслѣдствіе этого сфера союзныхъ образованій, имѣющихъ корпоративный характеръ, значительно расширилась, и одинаковое отношеніе законодательства къ нимъ, въ виду ихъ различнаго экономическаго и политическаго значенія и разнообразія преслѣдуемыхъ ими цѣлей, стало невозможнымъ. Въ зависимости отъ того, преслѣдуютъ ли союзы экономическія (полученіе прибыли) или неэкономическія (идеальныя) цѣли, условія ихъ возникновенія опредѣляются

закономъ неодинаково: для однихъ по общему правилу требуется разрѣшеніе правительства (концессіонная система), для другихъ большею частью достаточно представленіе доказательствъ, что союзъ удовлетворяетъ извѣстнымъ формальнымъ требованіямъ и не угрожаетъ интересамъ государства или общества (явочная система). Но жизнь не подчиняется этимъ рамкамъ; существованіе множества ассоціацій экономическаго и неэкономическаго характера съ корпоративною организаціею, несмотря на несоблюденіе ими условій, требуемыхъ для пріобрѣтенія юрид. личности, составляетъ несомнѣнный и непреложный фактъ. Торговыя товарищества разныхъ видовъ, существованіе которыхъ зиждется на одномъ только договорѣ, обнаруживаютъ явное стремленіе выступать въ оборотѣ, какъ самостоятельные субъекты съ обособленной имущественной сферою. По мѣрѣ того, какъ это имъ удается, теорія и законодательства, отрицающія за ними свойство юридическаго лица, все болѣе теряютъ почву подъ ногами. Въ странахъ съ развитою общественною и хозяйственною жизнью возникаютъ безъ всякихъ формальностей многочисленныя ассоціаціи, преслѣдующія постоянныя задачи религіознаго, политическаго или соціальнаго характера и представляющія собою не только ясно распознаваемыя, но и весьма крупнаго масштаба соціальныя явленія, съ которыми волею-неволею приходится считаться. Эти «associations de fait» не только не удовлетворяютъ условіямъ для признанія ихъ юридическими лицами, они нерѣдко сознательно уклоняются отъ положенія послѣднихъ, опасаясь сопряженной съ нимъ имущественной отвѣтственности

за дѣйствія своихъ органовъ и членовъ и правительственнаго контроля. Такъ поступаютъ, напр. въ Англіи и Германіи профессіональные союзы рабочихъ, во Франціи—многія религіозныя конгрегаціи и др. Каково же отношеніе положительнаго права къ этимъ liberi naturales гражданскаго оборота, къ этимъ незаконнорожденнымъ союзамъ?

Въ цѣломъ рядѣ государствъ право свободнаго образованія союзовъ признается положительнымъ закономъ [1]). Англо-американскія законодательства не содержатъ такого положенія, но свобода союзовъ тамъ выводится практикою изъ общихъ принциповъ права, въ частности изъ принципа свободы личности. Однако, не всякій дозволенный закономъ частноправовой союзъ есть юридическое лицо; для этого, какъ мы уже говорили, требуется выполненіе извѣстныхъ формальностей или наличность опредѣленныхъ матеріальныхъ условій. Союзы, не удовлетворяющіе, этимъ условіямъ, или запрещаются подъ угрозою уголовной кары, какъ, напр., у насъ, въ Россіи, или игнорируются законодателемъ, или надѣляются ограниченною правоспособностью. Профессіональные союзы въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напр., въ Англіи, Франціи и Бельгіи, составляютъ предметъ спеціальнаго закона; въ остальныхъ они раздѣляютъ судьбу всѣхъ ассоціацій, не обладающихъ юридическою личностью съ точки зрѣнія гражданскаго права. Англійскій законъ 1871 года (the Trade Unions-

[1]) Напр. во Франціи, Италіи, Бельгіи; къ нимъ въ послѣднее время присоединилась также Германія закономъ 19 апрѣля 1908 г. о союзахъ и собраніяхъ.

act, дополненный въ 1876 г.) допускаетъ свободное образованіе профессіональныхъ организацій. Только право тредъюніоновъ пріобрѣтать недвижимое имѣніе въ опредѣленномъ размѣрѣ и на имя довѣреннаго лица «trustee» [1]),— предъявлять отъ своего имени иски и дѣлать вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ, обусловлено представленіемъ устава и соблюденіемъ нѣкоторыхъ другихъ формальностей, выполненіе которыхъ однако все-же еще не дѣлаетъ ихъ юридическими лицами [2]). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ никакой разницы между зарегистрованными и незарегистрованными союзами нѣтъ: сдѣлки тѣхъ и другихъ имѣютъ обязательную силу и пользуются судебною защитою, за исключеніемъ спеціально указанныхъ въ законѣ случаевъ. Къ этимъ исключеніямъ принадлежатъ, между прочимъ, договоры, имѣющіе своимъ предметомъ установленіе ставокъ заработной платы, обязательные членскіе взносы и неустойки. Разумѣется, что и тарифные договоры, устанавливающіе подобныя обязательства, не пользуются судебною защитою, но мы уже знаемъ, что англійскіе тредъюніоны этимъ не особенно тяготятся.

Французскій законъ 1884 г. о профессіональныхъ союзахъ (синдикатахъ) оставляетъ вопросъ

---

[1]) Въ случаѣ выхода или исключенія этого лица и т. п. оно безъ всякихъ формальностей по указанію органовъ союза замѣняется другимъ trustee (art. 8).

[2]) Колебанія въ судебной практикѣ и острыя столкновенія въ жизни вызывалъ вопросъ объ имущественной отвѣтственности тредъюніоновъ за деликты ихъ органовъ. Вопросъ разрѣшенъ знаменитымъ Trade dispute act. 1906 г. въ отрицательномъ смыслѣ.

о возможности заключенія нерегистрованными союзами договоровъ, о силѣ этихъ сдѣлокъ и о правѣ такихъ союзовъ выступать на судѣ въ качествѣ стороны—открытымъ. Ст. 9 закона 1884 г. угрожаетъ денежными штрафами за образованіе обществъ безъ соблюденія законныхъ условій и предоставляетъ суду закрывать ихъ, если въ назначенный срокъ дефекты не будутъ восполнены. По мнѣнію судебной практики [1]), это обстоятельство однако не колеблетъ дѣйствительности сдѣлокъ, заключенныхъ нелегальными союзами. Хотя позднѣйшій законъ 1901 г. и лишаетъ associations non déclarées правоспособности, судебная практика осталась на прежней точкѣ зрѣнія, т. е. признаетъ попрежнему юридическую силу коллективныхъ договоровъ, заключенныхъ нелегализованными союзами, и предоставляетъ имъ право искать и отвѣчать на судѣ, мотивируя это тѣмъ, что законъ 1901 г. не можетъ имѣть примѣненія къ синдикатамъ.

Въ Германіи [2]) нѣтъ общеимперскаго закона

---

[1]) Raynaud, Le contrat collectif de travail, p. 226 слѣд., Misset, Contrat collectif, p. 30 сл. Въ литературѣ этотъ вопросъ вызываетъ разногласія. См. Pic, Traite élementaire de législ. industrielle, § 272 сл., его же Capacité civile des syndicats professionels въ Revue trim. за 1902 г., Cruet, Le Syndicat personne morale (Paris 1908) p. 24 сл., Rundstein, ук. соч., p. 10 сл.

[2]) О положеніи этихъ союзовъ до 1900 г. см. Gierke, Genossenschaftstheorie стр. 37—141 и въ частности о професс. союзахъ. Thorndicke, Zur Rechtsfähigkeit der deutschen Arbeiterberufsvereine, а послѣ изданія BGB.: Gierke, Vereine ohne Rechtsfähigkeit 2 te Aufl. 1902, Rosenberg, Das Vereinsrecht des BGB. Berl. 1903.

о профессіональныхъ союзахъ. До 1900 г. тамъ боролись два направленія: одни высказывались за примѣненіе къ нелегализованнымъ союзамъ положеній о товариществахъ, другіе настаивали на необходимости относиться къ нимъ, какъ къ корпораціямъ, когда это соотвѣтствуетъ ихъ характеру и не противорѣчитъ закону. Практика (особенно имперскаго суда) склонялась ко второму взгляду, допуская пріобрѣтеніе подобными союзами имущественныхъ правъ на свое имя, предъявленіе ими исковъ и ограниченіе отвѣтственности по обязательствамъ союза корпоративнымъ имуществомъ [1]). Уложеніе 1896 г. наоборотъ, рѣшительно стало на первую точку зрѣнія. Различая зарегистрованные и незарегистрованные союзы, оно предписываетъ примѣнять къ послѣднимъ постановленія о товариществахъ; только въ роли отвѣтчиковъ въ процессѣ они въ интересахъ кредиторовъ приравниваются къ корпораціямъ (ст. 54). Швейцарское уложеніе сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ: оно не требуетъ вовсе регистраціи неэкономическихъ союзовъ; для признанія юридической личности достаточна наличность устава, въ которомъ выражена воля быть корпораціею. Однако союзы безуставные по примѣру BGB разсматриваются и швейцарскимъ уложеніемъ, какъ товарищества (ст. 62).

Насильственное превращеніе союза въ товарищество не можетъ быть признано удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса, а составляетъ безполезную и стѣснительную для оборота фикцію.

---

[1]) Gierke, Genossenschaftstheorie, p. 57, Enecerus, Lehrb., I, p. 257 (4te Aufl.).

Союзъ съ корпоративною организаціею не есть и не хочетъ быть товариществомъ, а его уставъ, если таковой имѣется, не то же самое, что товарищескій договоръ. Практика имперскаго суда и особенно промышленныхъ судовъ, повидимому, и не склонна отказаться отъ продиктованной самою жизнью тенденціи видѣть въ нелегальныхъ союзахъ не товарищества, а корпораціи. И въ этомъ отношеніи она встрѣчаетъ дѣятельную поддержку въ юридической литературѣ [1]). Въ частности вопросъ о дѣйствительности тарифныхъ договоровъ, заключенныхъ союзами, не обладающими юридическою личностью, ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи сомнѣній не вызываетъ. Эти союзы однако стѣснены въ томъ отношеніи, что для предъявленія иска должны представлять или товарищескій договоръ, или довѣренность отъ всѣхъ членовъ и должны поименно перечислять ихъ въ исковомъ прошеніи, что, конечно, весьма неудобно. Несмотря на стѣснительность этихъ требованій, около $^2/_3$ всѣхъ тарифныхъ договоровъ заключается незарегистрованными союзами и послѣдніе не обнаруживаютъ склонности къ пріобрѣтенію правъ юридическаго лица со всѣми вытекающими отсюда въ настоящее время послѣдствіями.

---

[1]) Іенскій профессоръ и бывшій юристъ-практикъ Данцъ въ № 7 Deutsche Juristenzeitung рекомендуетъ судамъ во всѣхъ случаяхъ, когда договоръ заключенъ незарегистрованнымъ союзомъ, исходить изъ того предположенія, что стороны имѣли въ виду ограничить отвѣтственность за долги однимъ корпоративнымъ имуществомъ, т. е. держаться точки зрѣнія прямо противоположной той, на которой стояли составители уложенія. Contra, Rümelin въ Arch. f. civ: Praxis, Bd. 101, p. 361. Ср. Gierke, Vereine, p. 35.

У насъ общества и союзы, не удовлетворяющіе закону 4 марта 1906 года, т. е. незарегистрованные, не только лишены правоспособности, но преслѣдуются уголовнымъ закономъ. Согласно ст. 20 этого закона, «право... заключать договоры, вступать въ обязательства, а равно искать и отвѣчать на судѣ предоставляется лишь тѣмъ обществамъ, кои зарегистрированы въ установленномъ порядкѣ на основаніи особаго устава». У насъ, слѣдов., непризнанныя общества не могутъ быть стороною тарифнаго договора.

Все сказанное приводитъ насъ къ такому выводу: случайныя ассоціаціи, образующіяся ad hoc для заключенія тарифнаго договора, какъ таковыя, не пріобрѣтаютъ изъ него правъ и обязанностей. Постоянныя ассоціаціи могутъ быть стороною тарифнаго договора, насколько они положительнымъ закономъ не лишены правоспособности, независимо отъ того, признается ли за ними свойство юридическаго лица или нѣтъ. У насъ же стороною тарифнаго договора можетъ быть только коллективъ, представляющій собою легализованное общество или гражданско-правовое товарищество; во всѣхъ другихъ случаяхъ это будетъ либо простая множественность лицъ, юридически ничѣмъ между собою не связанныхъ, либо преступное сообщество.

Выяснивъ вопросъ о сторонахъ тарифнаго договора, посмотримъ теперь, каково пространство его дѣйствія. Въ жизни обнаруживается явная тенденція сблизить эффектъ генеральной нормировки будущихъ договоровъ, осуществляемой посредствомъ коллективнаго соглашенія, съ эффектомъ нормъ объективнаго права. По мѣсту

дѣйствія различаютъ фирменные тарифы, распространяющіеся на одно опредѣленное предпріятіе, мѣстные, охватывающіе однородныя предпріятія одного или нѣсколькихъ смежныхъ мѣстъ, и національные или генеральные, простирающіеся на промышленный районъ или на всю страну. Труднѣе опредѣлить кругъ лицъ, на которыхъ простираетъ свое дѣйствіе тарифный договоръ. Для достиженія послѣднимъ своей соціальной цѣли чрезвычайно важно, чтобы возможно большее количество лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной профессіональной группѣ, имъ связывались и несли отвѣтственность въ случаѣ нарушенія тарифа. Эта экспансивная тенденція не осталась безъ вліянія на юридическую конструкцію института. Она породила стремленіе найти почву для признанія стороною договора не союза, его заключившаго,—по крайней мѣрѣ не только союза,—а всѣхъ лицъ прикосновенныхъ къ данной профессіональной группѣ. На этой почвѣ сложились теоріи мандата и договора въ пользу третьихъ лицъ, о которыхъ мы уже упомянули. По первой теоріи союзъ заключаетъ договоръ или въ качествѣ представителя своихъ членовъ, или одновременно въ качествѣ такового и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своего имени, причемъ основаніе представительства сторонники этой теоріи находятъ либо въ законѣ, либо въ явномъ и молчаливомъ полномочіи, либо въ послѣдующемъ одобреніи. О законномъ представительствѣ говорятъ преимущественно французскіе юристы, ссылаясь на то, что профессіональные союзы по закону 1884 года имѣютъ право и обязанность защищать профессіональные интересы своихъ членовъ, и что заключеніе тарифныхъ догово-

ровъ отъ имени послѣднихъ является однимъ изъ способовъ этой защиты. Такое соображеніе можно было бы примѣнить и къ нашему праву, но оно по существу неправильно. Заключать договоры въ интересахъ другихъ лицъ и отъ ихъ имени—не одно и то же. Союзъ и отдѣльные его члены съ точки зрѣнія гражданскаго права суть разныя лица и не могутъ дѣйствовать одинъ отъ имени другого безъ надлежащаго полномочія, а законная обязанность защищать интересы другого не заключаетъ въ себѣ полномочія на совершеніе отъ его имени сдѣлокъ. Теорія молчаливаго порученія построена на презумпціи согласія членовъ союза, но она намъ совершенно не объясняетъ, какимъ образомъ могутъ проистекать права и обязанности изъ тарифнаго договора, заключеннаго союзомъ, для лицъ, голосовавшихъ въ общемъ собраніи противъ его заключенія или же не участвовавшихъ вовсе въ голосованіи; вѣдь, съ ихъ стороны, очевидно, не послѣдовало ни явнаго, ни молчаливаго изъявленія согласія. Сторонники теоріи представительства для сбхода этого затрудненія прибѣгаютъ къ двумъ весьма рискованнымъ пріемамъ: одни [1]) примѣняютъ сюда германскую фигуру Gesammthandverhältniss, при которой множественность лицъ признается субъектомъ права безраздѣльно и безъ нарушенія его единства. Другіе [2]) говорятъ, что союзъ

---

[1]) Напр. Sinzheimer въ Gewerbegericht, X, Sp. 380 ff., Rundstein, p. 80 (неясно). Contra Schall, ук. соч., p. 98 и 162 сл.

[2]) Schall, ук. соч., p. 75 сл. Rundstein, p. 75. Contra Baum въ Beitr., p. 270 сл., Wölbling Accordvertrag und Tarifvertrag, p. 362.

дѣйствуетъ какъ представитель не тѣхъ или другихъ индивидуально-опредѣленныхъ лицъ, а лицъ, опредѣленныхъ родовымъ признакомъ напр. принадлежностью къ союзу, къ данной профессіи, состояніемъ рабочаго извѣстнаго предпріятія и т. п. Мы не будемъ входить въ подробный анализъ этихъ построеній, ибо съ точки зрѣнія нашего права они во всякомъ случаѣ непріемлемы. Gesammthandverhältniss въ области обязательственнаго права у насъ мыслимо только какъ солидарное отношеніе, а солидарность по нашему закону не предполагается; она должна вытекать изъ закона или изъ юридической сдѣлки, сознательно направленной на ея установленіе.

Представительство неопредѣленныхъ лицъ у насъ, какъ впрочемъ и повсюду, допустимо настолько, насколько вообще субъектъ правоотношенія можетъ быть неопредѣленнымъ. Представитель одной стороны можетъ не указывать, не называть тѣхъ лицъ, отъ имени которыхъ онъ дѣйствуетъ, если другая сторона этого не требуетъ. Мыслимы, пожалуй, даже и такіе случаи, когда представитель самъ точно не знаетъ, отъ чьего имени онъ дѣйствуетъ. М. Рюмелинъ [1]), посвятившій вопросу объ animus incertus при представительствѣ особую статью, приводитъ такой примѣръ: Агентъ состоитъ представителемъ нѣсколькихъ фирмъ. Покупая партію хлѣба «за счетъ того, кого оно касается» (такая формула часто употребляется

---

[1]) Archiv f. civ. Pr. Bd. 93, p. 198 и 220 ff. Др. мн. Hellwig, Vertr. auf Leistung an Dritte, p. 243 ff. Ср. Dernburg, Preuss. Privatr. II, § 13.

въ торговомъ быту), онъ самъ еще не знаетъ на чей счетъ онъ отнесетъ эту покупку. Рюмелинъ говоритъ, что такая неопредѣленность не вредитъ сдѣлкѣ, если по намѣреніямъ сторонъ личность представляемаго должна впослѣдствіи выясняться въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Обстоятельства эти могутъ быть субъективно неизвѣстны представителямъ, но они должны объективно существовать въ моментъ заключенія сдѣлки. Поэтому агентъ не дѣйствуетъ въ качествѣ представителя, если онъ вообще ни отъ кого не получалъ порученія купить хлѣбъ. Въ примѣненіи къ тарифному договору это значитъ, что союзъ, дѣйствуя отъ имени своихъ членовъ можетъ ихъ не перечислять, если другая сторона этого не требуетъ, но, во-первыхъ, изъ сдѣлки должно вытекать съ несомнѣнностью, что онъ дѣйствуетъ отъ чужого имени и, во-вторыхъ, его право обязывать представляемыхъ имъ лицъ должно существовать въ моментъ совершенія договора. Разъ этихъ условій нѣтъ, нельзя говорить ни о гласномъ, ни о негласномъ представительствѣ.

Еще болѣе свободно сторонники теоріи представительства обращаются съ понятіемъ о послѣдующемъ одобреніи. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя за Лотмаромъ [1]), усматриваютъ молчаливое присоединеніе къ тарифному договору не только во вступленіи въ члены союза, но уже въ томъ обстоятельствѣ, что въ районѣ его дѣйствія двое заключаютъ рабочій договоръ

---

1) Arbeitsvertrag, I, p. 779, Rundstein, p. 172. Contra Schall, p. 96, Körpe, p. 69.

на тарифныхъ условіяхъ. Съ этимъ однако невозможно согласиться, такъ какъ заключеніе одного договора на тарифныхъ условіяхъ еще не доказываетъ намѣренія сторонъ обязываться къ соблюденію тѣхъ же условій при заключеніи ими дальнѣйшихъ договоровъ. Но Лотмаръ [1]) идетъ еще дальше, онъ утверждаетъ, основываясь единственно на экспансивной тенденціи, присущей тарифному договору, что лица, принадлежащія къ той соціальной группѣ, отъ имени которой онъ заключенъ, должны быть признаны молчаливо подчинившимися его нормамъ, во всѣхъ случаяхъ, когда въ заключенныхъ ими индивидуальныхъ рабочихъ договорахъ противоположное намѣреніе не выражено expressis verbis. У лицъ, вступающихъ въ промышленный рабочій договоръ, говоритъ Лотмаръ, можно предположить намѣреніе по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ они умалчиваютъ, находиться въ одинаковомъ положеніи со своими товарищами по профессіи, т. е. подчиниться общимъ правиламъ. Эти правила устанавливаются, по мнѣнію Лотмара, либо объективнымъ правомъ либо тарифнымъ договоромъ. При сомнѣніи слѣдуетъ предположить, что стороны молчаливо подчинились тарифу, установленному ихъ товарищами по профессіи. Лотмаръ однако упускаетъ изъ виду, что современная наука и положительное право допускаютъ подобную презумпцію только относительно обычаевъ оборота. Заинтересованныя лица не могутъ быть избавлены отъ необходимости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дока-

---

1) Arch. f. soz. Gesetzg. u. St. Bd. XV, p. 84 сл. Arbeitsvertrag, I, p. 799.

зать, что стороны признали тарифныя условія для себя обязательными, или же что эти условія для данной мѣстности или круга лицъ имѣютъ силу правового обычая. Нерѣдко оно именно такъ и бываетъ: тарифъ выражаетъ то, что въ данной средѣ признается нормальнымъ и обязательнымъ. Женевскій законъ и французскій законопроектъ о коллективномъ договорѣ устанавливаютъ презумпцію, что тарифъ при сомнѣніи имѣетъ значеніе обычая; но тамъ, гдѣ въ законѣ этого указанія нѣтъ, такое значеніе предполагаться не можетъ, и пробѣлы индивидуальнаго договора не могутъ произвольно восполняться тарифными условіями.

Теоріи мандата такимъ образомъ не удалось ослабить препятствія къ распространенію правъ и обязанностей изъ заключеннаго союзомъ тарифнаго договора на его членовъ при отсутствіи соотвѣтственнаго съ ихъ стороны волеизъявленія.—Не болѣе утѣшительные результаты даетъ теорія договора въ пользу третьяго лица. Съ этою теоріею не вяжется то обстоятельство, что тарифный договоръ есть договоръ двухсторонній, что каждая сторона пріобрѣтаетъ не только права, но и обязанности, а обремененіе третьихъ лицъ уже никоимъ образомъ не можетъ имѣть мѣста безъ прямого ихъ на то согласія. Далѣе, управомоченное третье лицо по общему правилу можетъ освободить промитента отъ исполненія принятыхъ по отношенію къ нему обязательствъ,—слѣдовательно, также отъ обязанности къ соблюденію тарифныхъ условій. Но тогда практическое значеніе тарифныхъ договоровъ свелось бы къ нулю. Наша судебная практика придерживается того взгляда, что третьи лица пріобрѣтаютъ

установленныя въ ихъ пользу права лишь въ случаѣ и съ момента выраженнаго ими согласія. Слѣдовательно, у насъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы члены союза безъ особаго волеизъявленія лично управомочивались и тѣмъ болѣе обязывались тарифнымъ договоромъ, состоявшимся безъ ихъ участія.

То же стремленіе способствовать успѣшному выполненію тарифнымъ договоромъ его соціальныхъ функцій отразилось на ученіи о его правовыхъ послѣдствіяхъ. Какъ мы уже знаемъ, изъ него вытекаетъ для всѣхъ участниковъ обязанность воздержаться отъ какихъ бы то ни было дѣйствій, противорѣчащихъ его содержанію, и—въ частности—для союзовъ, заключившихъ договоръ отъ своего имени, обязанность всѣми доступными мѣрами склонять своихъ членовъ къ соблюденію тарифныхъ условій. Спрашивается, какія же послѣдствія влечетъ за собою нарушеніе этихъ обязанностей? Лотмаръ, который и тутъ, какъ во многихъ другихъ вопросахъ, смѣло и энергично идетъ навстрѣчу требованіямъ жизни, и вслѣдъ за нимъ, главнымъ образомъ. Рундштейнъ, выставляютъ такое положеніе: условія тарифнаго договора автоматически вытѣсняютъ и замѣняютъ противотарифное содержаніе индивидуальнаго рабочаго договора между двумя лицами, связанными тарифомъ. Въ подтвержденіе этого положенія Лотмаръ и его сторонники приводятъ три соображенія: 1) намѣреніе сторонъ тарифнаго договора направлено именно на абсолютное дѣйствіе, на то, чтобы содержаніе эвентуальныхъ рабочихъ договоровъ стояло внѣ зависимости отъ воли отдѣльныхъ участниковъ, которымъ только остается рѣ-

шить «das ob und nicht das wie», т. е. вступить или не вступать въ рабочій договоръ, но не предоставлено измѣнить ими же заранѣе опредѣленныя условія; 2) тарифъ установленъ не отдѣльными лицами, а коллективомъ, какъ таковымъ: это не lex sibi dicta, а преграда, воздвигнутая всею группою сообща, которая не можетъ быть низложена соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ; 3) послѣднее соображеніе относится не ко всѣмъ законодательствамъ, а только къ тѣмъ изъ нихъ, которыя признаютъ неотмѣняемость правилъ внутренняго распорядка; разъ, говоритъ Лотмаръ, правила, исходящія отъ одной договорной стороны, признаются неотмѣняемыми, то a fortiori можно заключить, что законъ признаетъ такую же силу за условіями, заранѣе установленными по взаимному соглашенію обоихъ контрагентовъ.

Мы по необходимости ограничимся самою бѣглою оцѣнкою этихъ доводовъ. Что абсолютное дѣйствіе тарифнаго договора соотвѣтствуетъ практической цѣли и намѣреніямъ сторонъ, это вѣрно, но осуществимо ли это намѣреніе средствами гражданскаго права? Какъ тарифный, такъ и индивидуальный рабочій договоръ—отдѣльно взятые—представляютъ собою закономѣрную юридическую сдѣлку. Спрашивается, можно ли договорнымъ соглашеніемъ заранѣе лишить правового эффекта позднѣйшій договоръ между тѣми же лицами? Римляне дали на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ (ср. напр. Dig. 32 l. 22 pr.); едва ли другой отвѣтъ возможенъ также съ точки зрѣнія современнаго гражданскаго права, кромѣ случаевъ, прямо предусмотрѣнныхъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій

договоръ дѣйствителенъ, если и насколько онъ не выходитъ изъ установленныхъ объективнымъ правомъ рамокъ договорной свободы; но договорная свобода сама по себѣ, хотя она нерѣдко въ практической жизни и составляетъ фикцію, призракъ, все же не можетъ быть предметомъ соглашенія, предметомъ частнаго распоряженія. Обязательство по общему правилу порождаетъ право на чужое дѣйствіе, но оно не способно непосредственно породить недѣйствительность или юридическую иррелевантность идущихъ въ разрѣзъ съ нимъ позднѣйшихъ волеизъявленій [1]), потому что свобода хозяйственнаго самоопредѣленія по господствующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ неот-

---

[1]) Лотмаръ (p. 181) утверждаетъ, что это общее правило допускаетъ исключенія и ссылается на ст. 339 и 168 BGB, но изъ этихъ статей не вытекаетъ, что частными соглашеніями можно лишать будущіе договоры правового эффекта при отсутствіи соотвѣтственнаго указанія въ законѣ. По словамъ Rundstein'a (Streitfragen, p. 55) „вытекающее изъ тарифнаго договора притязаніе на воздержаніе отъ заключенія противотарифныхъ договоровъ *можетъ только* выражаться въ томъ, что противотарифныя постановленія должны быть признаны als begrifflich nicht bestehend". Онъ этого однако ничѣмъ не доказываетъ, а только ссылается на то, что „обычные цивилистическіе мастабы не примѣнимы къ этому роду соглашеній", не поясняя, чѣмъ можно ихъ замѣнить при обсужденіи вопроса de lege lata. См. дальнѣйшую литер. вопроса у Wölbling'a, p. 388, Sinzheimer ч. II, p. 78 сл., Köppe, p. 92, Donarche, p. 134 сл. Послѣдній ссылается на C.c. art. 1134 § 3 и 1135 т. е. на несоотвѣтствіе второго договора добрымъ нравамъ. См. по этому поводу Schall p. 164 сл. Ср. также Kohler, Lehrb. des bürg. Rechtes, I, p. 486 и его же Ideale im Recht въ Arch. f. b. R. Bd. V, p. 235, Wächter Pandekten, Bd. II, p. 19 сл.

чуждаема и ея общіе предѣлы устанавливаются не соглашеніемъ частныхъ лицъ, а объективнымъ правомъ. Слѣдовательно, то обстоятельство, что индивидуальный договоръ противорѣчитъ раньше состоявшемуся коллективному соглашенію, что онъ нарушаетъ обязательства, раньше принятыя контрагентами передъ другими лицами, хотя и влечетъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, но не лишаетъ его правового эфекта, не дѣлаетъ его ipso jure недѣйствительнымъ. Для этого необходимо, чтобы онъ противорѣчилъ закону или добрымъ нравамъ, чтобы онъ лежалъ внѣ сферы юридически или фактически возможнаго.

По тѣмъ же основаніямъ не можетъ быть признанъ правильнымъ второй доводъ Лотмара. Правда, договоръ, заключенный коллективомъ, не можетъ быть уничтоженъ отдѣльными членами, и отсюда, конечно, слѣдуетъ, что тарифный договоръ остается въ силѣ, несмотря на заключеніе противорѣчащихъ ему рабочихъ договоровъ, и что виновные должны нести послѣдствія своего неправомѣрнаго поведенія; но отсюда, однако, не можетъ быть сдѣланъ выводъ о недѣйствительности противотарифныхъ условій и объ абсолютной силѣ коллективнаго соглашенія.

Что касается, наконецъ, аналогіи съ правилами внутренняго распорядка, то Лотмаръ совершенно упускаетъ изъ виду, что ихъ неотмѣняемость основывается на спеціальномъ указаніи закона. Тамъ, гдѣ такого указанія въ законѣ нѣтъ, отступленія рабочаго договора отъ этихъ правилъ допускаются.

Отвергая абсолютное дѣйствіе тарифнаго договора de lege lata, ученые и практики почти

единогласно высказываются за нее de lege ferenda, и большинство законопроектовъ слѣдуетъ этому указанію. Однако изъ трехъ дѣйствующихъ въ настоящее время европейскихъ законовъ, регулирующихъ тарифный договоръ, ни одинъ пока абсолютнаго дѣйствія за нимъ не признаетъ. Въ женевскомъ кантонѣ и въ Австріи оно прямо отвергается: индивидуальные договоры тамъ сохраняютъ полную силу, хотя бы они и противорѣчили тарифу. Голландская новелла 1907 года предоставляетъ каждому заинтересованному лицу право оспаривать дѣйствительность рабочаго договора, содержащаго противотарифныя условія, если только оба контрагента состоятъ участниками коллективнаго соглашенія [1]). Но законъ не упоминаетъ объ автоматической замѣнѣ содержанія индивидуальнаго договора тарифомъ, и, слѣдовательно, договоръ остается въ силѣ, разъ никто подобнаго спора не возбуждаетъ. Нашъ законъ также не даетъ никакихъ основаній для признанія неотмѣняемости тарифнаго договора. Ограниченіе договорной свободы путемъ частныхъ соглашеній противорѣчитъ духу нашего закона, запрещающаго напр. договоры, ограничивающіе вступленіе въ бракъ, или завѣщательную свободу, не допускающаго отказа отъ судебной защиты и подчеркивающаго въ ст. 1530, что договаривающимся сторонамъ оставляется на волю включать въ до-

---

1) Подробнѣе объ этомъ законѣ см. мою статью въ „Правѣ“ за 1908 г. №№ 33 и 34 и объ отношеніи различныхъ законопроектовъ къ вопросу о неотмѣнлемости статью г. Войтинскаго въ Вопросахъ Обществовѣдѣнія т. I, стр. 12 сл.

говоръ по обоюдному согласію и по ихъ усмотрѣнію всякія условія, законамъ не противныя.

Если такимъ образомъ ни общія положенія права, ни дѣйствующія законодательства не оправдываютъ принятія автоматической теоріи Лотмара, то центръ тяжести практическаго значенія тарифнаго договора переносится на вопросъ, насколько невыгоды, сопряженныя съ его нарушеніемъ, способны удержнвать нарушителей. О фактическихъ послѣдствіяхъ, т. е. о тѣхъ соціальныхъ мѣрахъ воздѣйствія, которыми располагаютъ союзы и коллективы по отношенію къ контрагентамъ и къ своимъ членамъ, говорить не приходится. Замѣчу только, что въ самомъ тарифномъ договорѣ обыкновенно указываются пути и способы для предотвращенія стачекъ, локаутовъ и др. насильственныхъ мѣръ. Стороны въ случаѣ разногласія относит. толкованія, а также въ случаѣ нарушенія тарифныхъ договоровъ обязываются обращаться къ посредничеству и къ третейскому суду, и только, когда всѣ средства исчерпаны, допускается примѣненіе боевыхъ способовъ. Что касается юридическихъ послѣдствій нарушенія договора, то они неодинаковы въ различныхъ государствахъ и зависятъ отъ большаго или меньшаго совершенства судебной реакціи противъ нарушенія договоровъ вообще и въ частности противъ нарушенія отрицательныхъ обязательствъ, т. е. обязанности къ воздержанію.

Противъ нарушителей договора возможенъ прежде всего искъ объ исполненіи. Когда, напримѣръ, участникомъ тарифнаго договора заключенъ рабочій договоръ на противотарифныхъ условіяхъ или изданы несогласныя съ нимъ

правила внутренняго распорядка или совершено другое нарушеніе, судъ можетъ постановить объ обязаніи виновныхъ прекратить рабочій договоръ, отмѣнить правила и т. д. Но тутъ мнѣнія ученыхъ и судебной практики расходятся по вопросу о томъ, можетъ ли судъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязать отвѣтчика замѣнить нетарифныя условія рабочаго договора или правилъ тарифными. Такъ какъ обязанности заключать рабочіе договоры на тарифныхъ условіяхъ не существуетъ, а есть только обязанность воздержаться отъ противотарифныхъ, то правильнѣе на нашъ взглядъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Судъ выйдетъ изъ рамокъ своей задачи, если онъ, не ограничиваясь устраненіемъ правонарушенія, будетъ навязывать тяжущимся условія договора, не соотвѣтствующія ихъ желаніямъ.

Другое разногласіе касается вопроса о томъ, можетъ ли судъ, когда стороны не подчиняются его рѣшенію, напримѣръ, не прекращаютъ договора, не отмѣняютъ правилъ, въ свою очередь самъ сдѣлать соотвѣтственное постановленіе, т. е. объявить договоръ недѣйствительнымъ или правила отмѣненными. Изъ того, что мы раньше говорили, вытекаетъ и тутъ отвѣтъ отрицательный: волеизъявленіе не можетъ быть признано недѣйствительнымъ единственно на томъ основаніи, что оно нарушаетъ предшествующее соглашеніе. Въ распоряженіи большинства западныхъ судовъ имѣются однако весьма дѣйствительныя средства косвеннаго воздѣйствія на непокорныхъ отвѣтчиковъ: судъ можетъ по ходатайству истца, а иногда ex officio, предписывать и запрещать извѣстныя дѣйствія подъ угрозою денежныхъ штрафовъ или тюремнаго

заключенія. Этого въ большинствѣ случаевъ совершенно достаточно, чтобы заставить нарушителей тарифнаго договора подчиниться судебному рѣшенію.

Тѣми же средствами—угрозою штрафа и тюремнаго заключенія—предупреждаются будущія нарушенія, если только есть достаточныя основанія для подобныхъ опасеній. Когда, напримѣръ, заключенъ одинъ противотарифный договоръ, то этимъ путемъ предупреждается повтореніе.

Второй предметъ иска—возмѣщеніе убытковъ. Тутъ рѣчь идетъ прежде всего о матеріальныхъ убыткахъ, размѣръ которыхъ въ данномъ случаѣ трудно, а иногда даже невозможно опредѣлить, если только стороны этого сами не сдѣлали въ видѣ договорной неустойки. На практикѣ къ неустойкѣ прибѣгаютъ очень рѣдко, такъ какъ опасность отвѣчать за чужіе грѣхи при тарифномъ договорѣ слишкомъ велика для того, чтобы легкомысленно пользоваться столь острымъ оружіемъ. Еще труднѣе, конечно, оцѣнить ущербъ нематеріальный, нравственный. Поэтому только тамъ, гдѣ законъ допускаетъ присужденіе нематеріальнаго ущерба, предоставляя оцѣнку вреда судейскому усмотрѣнію, обязанность къ возмѣщенію вреда, причиненнаго нарушеніемъ отрицательной обязанности можетъ оказаться дѣйствительнымъ средствомъ противъ нарушенія тарифнаго договора. Иногда нарушеніе можетъ служить для другой стороны поводомъ отступиться отъ договора. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ взаимныхъ договоровъ

и къ нему примѣняются общія положенія закона.

Право на предъявленіе исковъ, вытекающихъ изъ тарифнаго договора, по общему правилу принадлежитъ тому, чье право нарушено или нуждается въ судебномъ подтвержденіи. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда контрагентомъ состоитъ неорганизованная группа, т. е. множество отдѣльныхъ лицъ, каждое изъ нихъ имѣетъ право на искъ, насколько дѣйствіями отвѣтчика нарушены его интересы. Но вопросъ осложняется, когда договоръ заключенъ правоспособнымъ коллективомъ отъ своего имени. Если нарушеніе тарифнаго договора причиняетъ прямой или косвенный ущербъ самому союзу, увеличивая, напр., необходимость въ матеріальной помощи членамъ, вопросъ о правѣ искать возмѣщенія убытковъ никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ; гораздо чаще, однако, нарушеніе отражается на матеріальныхъ интересахъ не союза, какъ такового, а отдѣльныхъ его членовъ. Работодатель, напримѣръ, принимая рабочихъ на нетарифныхъ условіяхъ, косвенно лишаетъ остальныхъ рабочихъ возможности пользоваться выгодами тарифа. Не состоя съ нарушителемъ въ договорныхъ отношеніяхъ, потерпѣвшіе непосредственно не могутъ требовать возмѣщенія убытковъ. Спрашивается, можетъ ли это сдѣлать союзъ, и какъ опредѣляется въ такихъ случаяхъ размѣръ убытковъ? Французскіе юристы и судебная практика на это отвѣчаютъ [1]): союзъ имѣетъ искъ къ нарушителю, насколько противотарифными дѣйствіями нарушенъ общій,

1) Douarche, p. 160 сл., Pic Traité, n°428.

профессіональный интересъ. Союзъ, поэтому, можетъ требовать признанія наличности правонарушенія, запрещенія дальнѣйшихъ противотарифныхъ дѣйствій и возмѣщенія убытковъ причиненныхъ ему, какъ договорной сторонѣ, но ликвидировать личные убытки своихъ членовъ онъ права не имѣетъ. Планіоль [1]) рѣзко критикуетъ даже эту уступку требованіямъ жизни со стороны судебной практики, находя, что основаніемъ иска не можетъ служить профессіональный интересъ, а только интересъ союза, какъ юридическаго лица. Если такового нѣтъ, то въ силу аксіомы pas d'interêt, pas d'action, нѣтъ права на искъ. Германскіе ученые [2]) и суды перенесли вопросъ въ другую, болѣе широкую плоскость. Когда, спрашиваютъ они, и при какихъ условіяхъ вообще лицо, заключившее договоръ въ интересахъ третьяго, можетъ ликвидировать убытки, причиненные послѣднему нарушеніемъ договора, можетъ требовать по суду возмѣщенія этого ущерба? Эта проблема [3]) выходитъ далеко за предѣлы интересующаго насъ вопроса и мы къ сожалѣнію не можемъ удѣлить ей того вниманія, котораго она заслуживаетъ. Для лучшаго уясненія сущности вопроса приведемъ нѣсколько примѣровъ: комиссіонеръ купилъ товаръ и обязалъ про-

---

[1]) Traité de droit civil (4 изд.), t. II, n°2272 и Note dans Dalloz, 1898, II, 131.

[2]) Schall, p. 135 сл.

[3]) Обзоръ литературы и практики даетъ Регельсбергеръ въ Jhering's Jahrb. Bd. 41. См. также Crome, Part. Rechtsgeschäfte, p. 300 сл. и Syst. des bürg. Rechts, II, p. 75, Thur въ Zeitschrift. f. öff. und priv. Recht (Grünhut), Bd. 25, p. 529.

давца доставить его комитенту; товаръ не былъ доставленъ или оказался недоброкачественнымъ. Отправитель чужого товара заключаетъ отъ своего имени договоръ съ перевозчикомъ; въ дорогѣ товаръ по винѣ перевозчика портится или пропадаетъ. Кто нибудь съ разрѣшенія собственника ссужаетъ своему знакомому завѣдомо чужую вещь, а тотъ ее портитъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ договоръ заключается однимъ лицомъ, а убытки терпитъ другое. Кому и въ какомъ размѣрѣ виновникъ ущерба долженъ возмѣстить причиненный вредъ? Не можетъ ли онъ, спрашиваетъ Регельсбергеръ, на искъ своего контрагента отвѣтить: tua non interest (не ты понесъ убытокъ), а на искъ потерпѣвшаго: tecum non contraxi (съ тобою я не состою въ договорныхъ отношеніяхъ), и такимъ образомъ совершенно освободиться отъ отвѣтственности. Конечно, нѣтъ, говоритъ Регельсбергеръ, ибо такое рѣшеніе противорѣчило бы элементарнымъ требованіямъ справедливости. И съ этимъ согласны остальные немногочисленные изслѣдователи вопроса. Но они существенно расходятся въ формулировкѣ догматическаго принципа, на которомъ можетъ быть построено иное рѣшеніе, и по вопросу объ основаніи иска объ убыткахъ, о его предѣлахъ. По общему правилу договоръ порождаетъ права и обязанности только для лицъ, въ немъ участвующихъ, и для ихъ правопреемниковъ; одной фактической заинтересованности, одного рефлекторнаго воздѣйствія на чужую имущественную сферу недостаточно. Нѣкот. коррективомъ въ римскомъ правѣ служили actiones utiles и cessio legis, законный переходъ иска отъ контрагента къ неучаство-

вавшему въ сдѣлкѣ интересенту, но римскіе юристы не выработали общаго руководящаго начала о случаяхъ такого перехода, общаго матеріально-правового принципа. Предоставленіе интересенту иска или основывалось на прямомъ предписаніи закона, или допускалось преторомъ, въ видѣ исключенія, когда заинтересованное лицо aliter rem suam perdere poterat, др. сл., когда этого требовала практическая необходимость. Современное право не знаетъ перехода иска отдѣльно отъ защищаемаго права, а переходъ послѣдняго иначе какъ путемъ юридической сдѣлки допускается только въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Поэтому въ нашихъ примѣрахъ, вопреки мнѣнію фонъ Тура (р. 583), ни коммитентъ ни собственники не могутъ искать возмѣщенія понесенныхъ ими убытковъ. И этого права не имѣютъ также члены союза, заключившаго тарифный договоръ отъ своего имени. Но могутъ ли искать возмѣщеніи этихъ убытковъ сами контрагенты? Виндшейдъ [1]) на этотъ вопросъ отвѣчаетъ категорично и безъ дальнѣйшихъ объясненій: «Когда кредиторъ сдѣлался кредиторомъ въ интересахъ другого, его требованіе возмѣщенія убытковъ имѣетъ своимъ содержаніемъ ущербъ, понесенный этимъ другимъ». Въ примѣчаніи онъ прибавляетъ: «заключая договоръ въ интересахъ другого онъ дѣлаетъ его интересъ своимъ». Ученіе Виндшейда не встрѣтило сочувствія. Ему возразили, что отождествленіе интересовъ контрагента и потерпѣвшаго ведетъ къ несправедливому обремененію отвѣтчика. Когда, напр., онъ продалъ машину комис-

---

[1]) Pandecten, § 258 къ № 19.

сіонеру-купцу, онъ, по теоріи Виндшейда, долженъ отвѣчать за то, что вслѣдствіе слишкомъ поздней доставки машинъ стоялъ заводъ комитента-фабриканта. При опредѣленіи размѣра убытковъ,—въ томъ почти всѣ согласны—интересъ третьяго не можетъ служить надежною мѣркою, но не можетъ имъ служить также интересъ контрагента, ибо, если допустить противное, неисправному должнику придется отвѣчать, какъ это напр. утверждаетъ Гельвигъ [1]), только въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ его контрагентъ отвѣчаетъ передъ потерпѣвшимъ третьимъ лицомъ. Литература вопроса находится въ довольно хаотическомъ состояніи, а законъ молчитъ, такъ что говорить о какомъ нибудь общепризнанномъ мнѣніи въ наст. время нѣтъ возможности. При разрѣшеніи вопроса на нашъ взглядъ слѣдуетъ исходить изъ того положенія, что правовыя послѣдствія всякаго договора, насколько они не предусмотрѣны въ немъ самомъ и не предуказаны закономъ, должны опредѣляться сообразно съ практическою цѣлью, которая имѣлась въ виду сторонами или одною стороною съ вѣдома другой или обыкновенно преслѣдуется подобными договорами. Если эта общая посылка правильна, то изъ нея, кажется, могутъ быть выведены для нашего вопроса слѣдующія положенія:

1) Когда должникъ зналъ или долженъ былъ знать, что договоръ заключенъ въ интересахъ третьяго, вѣритель можетъ требовать отъ него исполненія въ пользу этого третьяго. Когда должникъ этого не зналъ, вѣритель можетъ требо-

[1]) Verträge auf Leistung an Dritte, p. 82 сл.

вать исполненія только себѣ лично. Въ свою-же пользу онъ можетъ требовать уплаты неустойки, установленной на случай неисправности должника.

2) Возмѣщенія ущерба, причиненнаго третьему лицу неисправностью должника, контрагентъ можетъ требовать въ двухъ случаяхъ: а) когда онъ состоитъ съ третьимъ въ юридическихъ отношеніяхъ, дающихъ ему право или возлагающихъ на него обязанность защищать его интересы (тутъ уже безразлично, зналъ ли должникъ объ этихъ отношеніяхъ или нѣтъ); б) когда изъ содержанія договора или изъ обстоятельствъ конкретнаго случая явствуетъ, что контрагентъ имѣлъ въ виду доставленіе третьему лицу тѣхъ или другихъ матеріальныхъ выгодъ и должникъ объ этомъ зналъ или долженъ былъ знать. Искъ направленъ на присужденіе убытковъ либо въ пользу третьяго, либо въ пользу истца, такъ какъ убытки составляютъ одновременно экономическій эквивалентъ выгодъ предназначенныхъ 3-му, и юридическій эквивалентъ того, что обѣщано было самому контрагенту; но суммы, на которыя обогатится контрагентъ вслѣдствіе иска отъ убытковъ или о неустойкѣ, онъ обязанъ употребить на возмѣщеніе потерпѣвшаго.

3) Размѣръ убытковъ, въ отступленіе отъ общаго правила, въ данномъ случаѣ не опредѣляется ни интересомъ контрагента, ни интересомъ третьяго, ибо первый никакого убытка не понесъ, а ущербъ второго можетъ зависѣть отъ субъективныхъ обстоятельствъ, которыхъ должникъ никоимъ образомъ предвидѣть не могъ. Мѣркою поэтому служитъ объективная цѣнность неисполненнаго обязательства, т. е. недоставлен-

ныхъ третьему выгодъ; а когда такая объективная оцѣнка [1]) по тѣмъ или инымъ причинамъ невозможна, требованіе истца не подлежитъ удовлетворенію.

Противъ этого послѣдняго положенія можно возразить, что должникъ при такой постановкѣ часто будетъ извлекать ничѣмъ не оправдываемыя выгоды изъ того обстоятельства, что договоръ заключенъ въ интересахъ третьяго. Это вѣрно, но мы не видимъ никакой возможности устранить эту несправедливость иначе, какъ законодательнымъ путемъ, и полагаемъ, что она значительно меньше той несправедливости, которая создается на почвѣ ученія Виндшейда.

Если отъ этихъ общихъ разсужденій мы опять вернемся къ тарифному договору и попытаемся отвѣтить на поставленный нами вопросъ, то мы можемъ на основаніи добытыхъ нами положеній признать, что союзъ, дѣйствовавшій въ интересахъ своихъ членовъ, имѣетъ право ликвидировать ихъ убытки, насколько они поддаются объективной оцѣнкѣ и независимо отъ того, нарушенъ ли только личный или вмѣстѣ съ тѣмъ профессіональный интересъ. Но это не относится къ тѣмъ членамъ союза, которые сами участвовали въ нарушеніи тарифа, ибо volenti non fit injuria. Кто самъ поступается выгодами, уста-

---

[1]) Подъ объективною оцѣнкою мы подразумѣваемъ опредѣленіе ущерба безотносительно къ имущественной сферѣ опредѣленнаго лица. Въ нашихъ примѣрахъ виновный долженъ отвѣчать за разницу между рыночною цѣною цѣлой и стоимостью поврежденной вещи, при тарифномъ договорѣ—за разницу между тарифными и индивидуальными условіями, насколько она поддается оцѣнкѣ.

новленными въ его пользу, тотъ юридически никакого ущерба не несетъ.

Наши гражданскіе законы не содержатъ ни частныхъ постановленій о ликвидаціи чужого убытка, ни общихъ положеній. Съ другой стороны нигдѣ въ законѣ не сказано, что возмѣщенія «ущербовъ и убытковъ», о которыхъ говорится въ 693 ст., можетъ требовать только непосредственно потерпѣвшій, а не всякое заинтересованное лицо, въ частности контрагентъ. Но, къ сожалѣнію, иски in favorem tertii совершенно чужды нашему гражданскому процессу и трудно себѣ представить, какимъ образомъ на почвѣ дѣйствующаго устава профессіональный союзъ, заключившій тарифный договоръ, могъ бы домогаться исполненія тарифныхъ условій по отношенію къ тому или другому изъ его членовъ, а тѣмъ болѣе взысканія убытковъ въ ихъ пользу или признанія за ними права на возмѣщеніе ущерба.

Вообще переходъ тарифнаго договора изъ области фактовъ въ область права встрѣтитъ у насъ наиболѣе серьезныя препятствія не въ матеріальныхъ законахъ. При отсутствіи недоброжелательства вполнѣ возможно признать его на почвѣ дѣйствующаго закона институтомъ гражданскаго права и даже въ нѣкоторой, хотя далеко недостаточной, мѣрѣ согласовать его правовыя послѣдствія съ его соціальными функціями. Не благопріятствуютъ развитію у насъ тарифнаго договора болѣе всего печальныя условія современной русской дѣйствительности, сковывающія свободное проявленіе общественныхъ силъ, въ частности стѣсненіе права коалиціи и отсутствіе примирительныхъ учрежденій и дру-

гихъ органовъ для разрѣшенія коллективныхъ споровъ. Наряду съ этими общими причинами, имѣющими,—будемъ надѣяться,—временный характеръ, главною помѣхою къ превращенію тарифнаго договора изъ чисто-соціальнаго феномена въ правовой институтъ будетъ служить недостаточность средствъ его судебной защиты. Наши процессуальные законы не знаютъ другихъ способовъ судебной реакціи противъ лицъ, нарушающихъ договорную обязанность къ воздержанію отъ тѣхъ или другихъ дѣйствій, кромѣ возмѣщенія вреда, и притомъ только вреда экономическаго и только въ размѣрѣ, точно доказанномъ. Мы знаемъ печальныя послѣдствія этихъ дефектовъ нашего процесса, мы постоянно видимъ случаи безнаказаннаго нарушенія права на фирму, на привиллегіи, авторскихъ, издательскихъ и многихъ другихъ правъ. Тарифный договоръ, если ему суждено пустить корни въ русской жизни, ждетъ та же участь. Коррективомъ—подчасъ вполнѣ достаточнымъ—на Западѣ служитъ, съ одной стороны, соціальная мощь профессіональныхъ союзовъ, внушающая какъ его членамъ такъ и его контрагенту спасительный страхъ передъ послѣдствіями нарушенія тарифнаго договора, и, съ другой стороны, широкое пользованіе услугами посредничества и третейскихъ судовъ. И въ этомъ отношеніи заинтересованныя лица у насъ на первыхъ же порахъ, къ сожалѣнію, встрѣтятъ почти непреодолимыя препятствія. Крупныя и сильныя профессіональныя организаціи даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ у насъ создадутся нескоро; для этого требуется время. Соглашенія же о передачѣ будущихъ споровъ на разрѣшеніе

третейскихъ судовъ и объ обязательномъ обращеніи къ услугамъ посредниковъ признаются нашими процессуалистами и сенатомъ [1]) недѣйствительными. Мы знаемъ только третейскую запись, формальный компромисъ между сторонами и посредниками о разрѣшеніи уже возникшаго наличнаго спора. При отсутствіи такой записи конфликты, возникающіе на почвѣ тарифныхъ договоровъ, будутъ подлежать вѣдѣнію общихъ судовъ, хотя бы въ договорѣ и было постановлено противное. Нетрудно предвидѣть, что хожденіе по инстанціямъ, процессы, затягивающіеся на годы,—при малой освѣдомленности нашихъ судей въ нуждахъ и особенностяхъ промышленной и въ частности рабочей жизни, плохое средство для вытѣсненія укоренившагося вѣками навыка къ самопомощи и боевымъ способамъ разрѣшенія коллективныхъ споровъ. При такихъ условіяхъ тѣмъ надеждамъ на благодѣтельную соціальную роль тарифныхъ договоровъ, которыя на Западѣ привлекаютъ къ нему симпатіи общественнаго мнѣнія и вниманіе законодательствъ, которыя заставили ученый міръ съ почти безпримѣрнымъ рвеніемъ приняться за разработку связанныхъ съ ними юридическихъ и экономическихъ вопросовъ, у насъ едва ли въ скоромъ времени суждено сбыться.

[1]) Гольмстенъ учебн. русскаго гражд. судопр. стр. 144 (изд. 4-ое), Суд. Вѣстникъ за 1866 г. № 27, за 1867 г. №№ 5, 7, 55, 67.

ЦАБ "Автограф"
март 2021